

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСПОВѢДЬ

ГРАФА А. К. ТОЛСТОГО.

Письмо къ проф. Андж. Де-Губернатису, во Флоренци 1).

Ментона. 4-го марта, 1874.

Вилла „Parc Tranquille“.

Любезнѣйшій Д. Г., моя постоянная невралгія въ головѣ и удушье, оставляющія меня въ покоѣ рѣдко и ненадолго, мѣшали мнѣ до этой минуты поблагодарить васъ за присылку вашей драмы и за ваше дружеское намѣреніе говорить обо мнѣ на публичномъ чтеніи. Моя жена и я, мы читали вмѣстѣ *Romolo* и восхищались и вашимъ новымъ литературнымъ приѣмомъ, и добросовѣстною эрудиціею, и поэтической формою драмы. Съ своей стороны прибавлю, что хотя я вообще не партизанъ символизма въ поэзіи, но все же дѣлаю исключеніе для вашего *Romolo*, ради большой искренности вашихъ идей и той оригинальной окраски, какою вы умѣли имъ придать. Въ своемъ письмѣ къ моей женѣ вы просите біографическихъ подробностей относительно моего литературнаго поприща. Она вамъ писала на это, но и я, съ своей стороны, хотѣлъ бы доставить вамъ свою исповѣдь, полную по возможности: пусть это послужитъ вамъ доказательствомъ, насколько я признателенъ вамъ за ваше вниманіе, и какъ я цѣню то, чтобъ человѣкъ, подобный вамъ, имѣлъ обо мнѣ свѣдѣнія. Не пеняйте потому на меня, если такое желаніе сдѣлаетъ меня многословнымъ. Вы можете остановиться на томъ, что вамъ понравится, а за остальное вы меня простите во имя величайшаго моего довѣрія къ вамъ. Итакъ, я начинаю.

Я родился въ Петербургѣ въ 1817 г.; шестинедѣльнымъ меня увезли въ Малороссію мать и мой дядя съ матерней стороны, Алексѣй Перовскій, впоследствии попечитель харьковскаго университета, извѣстный въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Пого-

1) Копію письма, писаннаго авторомъ по-французски, намъ обязательно доставилъ профессоръ Де-Губернатисъ, имя котораго давно уже знакомо нашимъ читателямъ. Оригиналъ будетъ напечатанъ, а можетъ быть въ эту минуту уже и вышелъ въ свѣтъ, въ „Rivista Europea“. Для будущаго біографа поэта настоящая его исповѣдь—весьма важный матеріалъ. Вышепомѣщенный этюдъ О. Э. Миллера о Толстомъ, какъ лирическомъ поэтѣ, многое разъясняетъ въ этихъ признаніяхъ поэта, и во многомъ самъ найдетъ въ нихъ подтвержденіе своимъ выводамъ. Во всякомъ случаѣ это—интересный документъ, за сообщеніе котораго мы весьма благодарны г-ну Де-Губернатису.—Ред.

рѣльскаго. Онъ меня воспиталъ, и первые мои годы прошли въ его имѣннн, почему я смотрю на Малороссiю, какъ на мое истинное отечество. Мое дѣтство было чрезвычайно счастливо и оставило во мнѣ чудныя воспоминанiя. Бывъ единственнымъ сыномъ, не имѣвъ товарища игръ и одаренный пылкимъ воображенiемъ, я рано привыкъ къ мечтательности, которая вскорѣ сложилась въ рѣшительную склонность къ поэзи. Мѣстная природа, окружавшая меня, много тому содѣйствовала; воздухъ и видъ нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣнiе, имѣвшее влiянiе на мой характеръ и жизнь, и не изгладившееся до сей поры. Мое воспитанiе продолжалось все дома. Восьми или девяти лѣтъ я поѣхалъ съ родителями въ Петербургъ, гдѣ я былъ представленъ великому князю цесаревичу, нынѣ Государю Императору, и допущенъ въ число дѣтей, составлявшихъ Его воскресное общество. Съ того времени благосклонность Его ко мнѣ никогда не оставляла меня. Въ слѣдующемъ году я отправился съ матерью и дядею въ Германiю. Во время пребыванiя нашего въ Веймарѣ, дядя свелъ меня къ Гѣте, къ которому я инстинктивно проникся величайшимъ почтенiемъ за ту манеру, съ которою онъ говорилъ. Отъ этого посѣщенiя у меня сохранились въ памяти величественныя черты Гѣте, и еще то, что я у него сидѣлъ на колѣняхъ. Съ той эпохи и до 17-ти-лѣтняго возраста, когда я выдержалъ выпускной экзаменъ въ московскомъ университетѣ, я безпрестанно путешествовалъ съ моими родителями, то по Россiи, то за-границей, но часто возвращался въ деревню, гдѣ провелъ свои первые годы, и никогда я не могъ видѣть тѣхъ мѣстъ безъ особеннаго волненiя. По смерти моего дяди, сдѣлавшаго меня своимъ наслѣдникомъ, я былъ, въ 1836 г., по желанiю матери, прикомандированъ къ русскому посольству при нѣмецкомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; позже, я поступилъ во II-е Отдѣленiе Собственной Его Величества канцелярiи, гдѣ редактируются законы. Въ 1855 г. я записался въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ императорской фамилiи, съ тѣмъ, чтобы отправиться въ крымскую кампанiю; но нашъ полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и достигъ только Одессы, гдѣ мы потеряли болѣе тысячи человекъ отъ тифа, полученнаго также и мною. Императоръ Александръ II-й, во время коронацiи въ Москвѣ, изволилъ назначить меня своимъ флигель-адъютантомъ. Но такъ какъ я вовсе не готовился быть военнымъ, и, поступая въ стрѣлки, имѣлъ намѣренiе оставить службу тотчасъ по окончанiи войны, то я и представилъ мои сомнѣнiя Его Величеству, и Государь Императоръ принялъ мою просьбу съ обычнымъ Ему благодушiемъ и назначилъ меня егермейстеромъ; этотъ титулъ я сохраняю и до настоящаго времени. Вотъ исторiя

моей внѣшней жизни. Что же касается до исторіи моей души, то я постараюсь рассказать вамъ и ее, какъ сдумѣю.

Съ шестилѣтняго возраста началъ я мараить бумагу и писать стихи—такъ было поражено мое воображеніе произведеніями нашихъ лучшихъ поэтовъ, найденными мною въ какомъ-то толстомъ сборникѣ, дурно напечатанномъ и плохо переплетенномъ въ грязную красную обертку. Видъ этой книги отпечатлѣлся въ моей памяти и заставлялъ биться сердце всякій разъ, когда она мнѣ снова попадалась на глаза. Я таскалъ ее бывало съ собою всюду и прятался въ саду или въ лѣсу, чтобы, лежа подъ деревьями, изучать ее часами. Скоро я зналъ ее наизусть; я упивался музыкою разнообразныхъ ритмовъ и усваивалъ себѣ ихъ технику. Какъ ни были нелѣпы мои первые опыты, я долженъ однако сказать, что въ метрическомъ отношеніи они были безупречны. Я продолжалъ учиться такимъ образомъ, усовершенствуя себя, насколько во мнѣ было силъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, и появился въ печати только въ 1842 г., когда я дебютировалъ не стихами, но нѣсколькими рассказами въ прозѣ. Въ 1855 г. я отдалъ въ различные журналы ¹⁾ въ первый разъ мои лирическія и эпическія стихотворенія, а позже я помѣщалъ ихъ ежегодно въ „Вѣстникъ Европы“ или въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Такъ какъ вы желали имѣть характеристику моей нравственной жизни, то я вамъ скажу, что, независимо отъ поэзіи, я всегда испытывалъ непреодолимое влеченіе къ искусству вообще, во всѣхъ его проявленіяхъ. Та или другая картина или статуя, или прекрасная музыка, производили на меня такое сильное впечатлѣніе, что у меня волосы буквально поднимались на головѣ. Мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда я сдѣлалъ первое путешествіе въ Италію. Невозможно изобразить силы моихъ впечатлѣній и переворота, совершившагося въ моей душѣ, когда я въ первый разъ увидѣлъ тѣ сокровища, о которыхъ имѣлъ уже смутныя понятія, прежде нежели встрѣтился съ ними. Мы начали съ Венеціи, гдѣ мой дядя сдѣлалъ большія покупки въ старомъ дворцѣ Гримани. Между прочимъ, былъ купленъ бюстъ молодого фауна, приписываемый Микель-Анджело,—великолѣпный экземпляръ, какой когда-либо мнѣ случалось видѣть: онъ находится теперь въ Петербургѣ и принадлежит графу Павлу Строганову. Когда статую перенесли въ нашъ отель, я не отходилъ отъ нея. Я вставалъ ночью посмотреть на нее, и мое воображеніе мучилось нелѣпнѣйшими подозрѣніями. Я задавалъ себѣ вопросъ, что мнѣ дѣлать, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и дѣлалъ опыты, могу ли я, въ случаѣ, унести статую на своихъ рукахъ. Изъ Венеціи мы отправились въ Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь; при каждомъ

¹⁾ „Современникъ“, „Русская Бесѣда“ и „Русскій Вѣстникъ“.

посѣщеніи мой восторгъ и любовь къ искусству возрастали; дѣло дошло до того, что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ въ настоящую „тоску“ по Италіи, доходилъ до какого-то отчаянія, которое заставляло меня днемъ отказываться отъ пищи, а ночью рыдать, когда мои сны заносили меня въ мой потерянный рай. Подлѣ этой страсти къ Италіи вскорѣ началъ развиваться странный контрастъ, который съ перваго взгляда можетъ показаться противорѣчіемъ: это была страсть къ охотѣ. Съ двадцатаго года моей жизни она приобрѣла надо мною такую силу, и я предавался ей съ такимъ жаромъ, что охотѣ посвящалось все мое свободное время. Въ эту эпоху я былъ при дворѣ императора Николая и велъ весьма свѣтскую жизнь, которая для меня была не безъ приманки, но я часто ускользалъ отъ нея, чтобы проводить цѣлыя недѣли въ лѣсахъ, иногда съ товарищемъ, но обыкновенно въ одиночку. Между записными охотниками я скоро приобрѣлъ извѣстную репутацію за мою охоту на медвѣдей и лосей, и я, очертя голову, предался дѣлу, которое тѣмъ не менѣе согласовалось и съ моими артистическими инстинктами, и съ моимъ официальнымъ положеніемъ; оно даже не осталось безъ вліянія на окраску моей поэзіи. Мнѣ кажется, я обязанъ этой жизни охотника тѣмъ, что моя поэзія почти всегда писана въ мажорномъ тонѣ, между тѣмъ какъ мои соотечественники воспѣваютъ по большей части въ минорномъ. Я откладываю до дней моей старости описаніе многихъ и трогательныхъ эпизодовъ этой жизни лѣсовъ, какую я велъ въ лучшіе годы моей жизни, и которая, благодаря моей настоящей болѣзни, быть можетъ, закрыта для меня навсегда. Теперь я ограничусь однимъ замѣчаніемъ: моя любовь къ нашей дикой природѣ отразилась на моей поэзіи почти столько же, какъ и чувство пластической красоты.

Что касается нравственнаго направленія моихъ произведеній, то я могу характеризовать его, съ одной стороны, отвращеніемъ къ произволу, съ другой — отвращеніемъ къ тому псевдо-либерализму, который желаетъ не низкое поднять до высокаго, а высокое опустить до низкаго. Я полагаю впрочемъ, что это мое двойное отвращеніе собственно есть одно и то же чувство — ненависти къ произволу, въ какой формѣ онъ ни представлялся бы мнѣ. Я могу къ этому присоединить мое отвращеніе къ плоской доктринѣ объ утилитаризмѣ въ поэзіи... Мое убѣжденіе таково, что миссія поэта состоятъ не въ томъ, чтобы принести людямъ барышъ, или непосредственную выгоду, — поэзія должна возвышать ихъ нравственный уровень, внушая имъ любовь къ прекрасному, которая съумѣетъ сама найти себѣ примѣненіе, безъ того, чтобы ей нужна была та или другая поддержка.

Мое первое большое произведеніе — историческій романъ: *Князь Серебряный*. Оно имѣло три изданія; въ Россіи оно очень любимо, особенно низшими классами. Его перевели на французскій, нѣмецкій, англійскій, польскій и итальянскій языки. Этотъ послѣдній переводъ, сдѣланный въ Веронѣ профессоромъ Патуцци, при помощи нашего соотечественника, г. Задлера, появился, три года тому назадъ, въ миланскомъ журналѣ „Perseveranza“. Оно очень хорошо и выполнено весьма добросовѣстно. Затѣмъ, я написалъ трилогію: *Борись Годуновъ*, въ трехъ отдѣльныхъ драмахъ; изъ нихъ первая, *Смерть Иоанна Грознаго*, повторялась часто въ Петербургѣ и въ провинціи, гдѣ впрочемъ она теперь запрещена. Ее ставили на сцену въ Веймарѣ, и съ большимъ успѣхомъ, въ прекрасномъ переводѣ г-жи Павловой. Есть также переводы французскій, англійскій и польскій. Вторая драма трилогіи, *Царь Ѳеодоръ* (переведенная на нѣмецкій и польскій), была запрещена для сцены еще во время ея появленія въ свѣтъ. Изъ всего, что я написалъ въ стихахъ и въ прозѣ, это — самое лучшее, и на это обрушилось больше всего нападеній въ печати. Здѣсь я только укажу на брошюру, которую я посвятилъ объясненію постановки на сцену этой драмы, и гдѣ, между прочимъ, я опровергаю доводы, на основаніи которыхъ она попала въ театральнй „Index“. Третья часть трилогіи, *Царь Борисъ*, также не была допущена на сцену.

Есть еще одно собраніе моей лирической и эпической поэзіи, куда я присоединилъ драматическую поэмю: *Донъ-Жуанъ*, переведенную на нѣмецкій г-жею Павловой. Со времени изданія этого сборника (1867) я напечаталъ много балладъ и лирическихъ стихотвореній, разсѣянныхъ главнымъ образомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; я надѣюсь скоро составить изъ этого новый сборникъ...

Чтобы дать вамъ вкратцѣ понятіе о моемъ положеніи въ нашей литературѣ, я могу сказать, не безъ нѣкотораго удовольствія, что я преслѣдуемъ одними, и любимъ другими. Еще курьёзный фактъ: — между тѣмъ какъ одни считаютъ меня ретроградомъ, административныя власти видятъ во мнѣ чуть не революціонера.

Вотъ моя внутренняя и виѣшняя исторія. Я боюсь, что она вамъ покажется слишкомъ длинною, но за то я избавилъ васъ отъ разсказовъ о положеніи моего сердца, которое, если принять въ соображеніе степень моихъ страданій, играло не малую роль въ моей жизни и должно было отдаваться и на моихъ сочиненіяхъ. Я полагаю, впрочемъ, что въ этомъ отношеніи я испыталъ участь, общую всѣмъ поэтамъ. Я кончаю этимъ мое безконечное письмо... Да сохранить васъ всёхъ Богъ! Вашъ отъ всего сердца —

Алексѣй Толстой.